Глава 375: Простой юноша

Выражение лица Ляна Хунчжуана стало немного холодным. Кончики его нарисованных тонких бровей поднялись - самый младший Директор Ортодоксальной Академии, главная цель воспитания Ортодоксии, наиболее ценимый юниор Попа и Архиепископа Мэй Лиша в действительности был этим юношей. Он знал о Чэнь Чаншэне, иначе совсем не смог бы угадать. Но было несколько вещей, которых он не мог понять. Например, в юном возрасте шестнадцати Чэнь Чаншэн достиг верхнего уровня Неземного Открытия. Даже далекий родственник Ляна Хунчжуана, с которым он был не очень близок, считал, что это невозможно. Лян Хунчжуан тоже был наполнен восхищением, но он не понимал предыдущего удара Чэнь Чаншэна.

Весь мир знал, что талант Чэня лежал в культивации, лежал в силе воли, которая возникла из-за его эрудиции в Даосских Канонах. Он был старательным и обладал хорошим восприятием, но его врожденный талант был обычным. Его абсолютно невозможно было упоминать в одном разговоре с Цюшань Цзюнем, Сюй Южун и Принцессой Лоло. Тогда как удар Чэнь Чаншэна смог превзойти зазор между Неземным Открытием и Конденсацией Звезд, пронзив его Звездный Домен?

Может быть, что до того, как он ударил, он уже увидел насквозь сквозь его платье танцора? Лян Хунчжуан повернулся к Су Ли - Звездный Домен стадии Конденсации Звезд казался идеальным, но всё же он не был действительно идеальным. Однако, лишь великий эксперт уровня Су Ли смог бы увидеть это. Однако, Су Ли не издавал ни звука, и даже его взгляд всегда был направлен на кинжал Чэнь Чаншэна, а не на его тело.

«Ты использовал… что за меч ты только что применил?»

Лян Хунчжуан посмотрел на кинжал в руке Чэнь Чаншэна, его тонкие брови взлетели еще выше, заставляя его казаться неописуемо чарующим. Чэнь Чаншэн не знал, как ответить на этот вопрос. Когда Су Ли обучал его мечу, он очень ясно сказал, что эту технику меча можно отнести к категории Интеллектуального Меча, но ему всегда казалось, что была какая-то разница.

В этот раз Су Ли задал вопрос. Он посмотрел на Чэнь Чаншэна, его лицо было наполнено замешательством и подозрениями, и спросил: «Ты правда угадал?»

Чэнь Чаншэн кивнул и искренне ответил: «Я просто сделал грубое предположение».

Глаза Су Ли немного зажглись, как будто он впервые видел этого юношу. Он задал другой вопрос: «Вероятность?»

Чэнь провел какие-то вычисления, а затем неуверенно сказал: «Семь?»

Голос Су Ли вдруг стал более высоким: «Семьдесят процентов?»

Даже его гордое я, которое было гением на пути меча, находило этот ответ слишком поразительным. Будь это прошлый он, изучавший меч Горы Ли в течение нескольких веков, или Цюшань Цзюнь, когда он впервые обучал его Интеллектуальному Мечу, ни один из них не смог бы достичь этого. Это было невозможным делом.

Да, так что этого не могло произойти.

Чэнь Чаншэн почувствовал себя немного смущенным и прошептал: «Я говорил, что семь

процентов».

Су Ли показалось, что это было больше похоже на реальность. Хотя всё обстояло подобным образом, эффективность Чэнь Чаншэна уже превзошла его расчеты. Он эмоционально вздохнул: «Этого достаточно. По крайней мере, ты покинул область грубых предположений и пришел к просто предположению».

Чэнь Чаншэн был в некотором изумлении: «В чем разница между грубым предположением и предположению?»

Су Ли ответил: «Предположение требует чего-то, на что можно опереться, а грубое предположение - это просто догадка вслепую. Конечно же, они отличаются».

Чэнь Чаншэн вспомнил чувство, которое у него было в то мгновение, когда он атаковал. Он вдруг стал неуверенным, сделал ли он предположение или грубое предположение.

Его атака в основном полагалась на интуицию, а не расчеты.

Во многих случаях интуиция была инстинктивным ответом, поднимающимся со многих расчетов и упражнений.

Он чувствовал, что его удар, этот удар, который преодолел танцевальное платье Ляна Хунчжуана, скрыто отличался от Интеллектуального Меча, которому Су Ли обучил его, но он не знал, в чем была разница.

Лян Хунчжуан стоял в тридцати метрах от них, глядя, как пара говорила. Он вдруг начал смеяться, а его элегантное лицо с остатками макияжа было наполнено насмешками: «Вы двое просто беседуете сейчас!»

Су Ли взглянул на него и сказал: «Ты хочешь пообщаться? Тогда давай поговорим вместе».

Лян Хунчжуан уставился на него. Он не ожидал, что услышит такой ответ. После мгновения молчаливых размышлений он и правда присоединился к разговору.

У него было что-то, что он хотел сказать, что-то, что он хотел рассказать Чэнь Чаншэну. Что касалось Су Ли, Лян Хунчжуан не мог сказать ему и единого хорошего слова.

Он взглянул на Чэнь Чаншэна и сказал: «Как это ты оказался в северной части Графства Тяньлян? Почему ты сопровождаешь этого дьявола? Почему ты помогаешь ему?»

В столице то, что Чэнь Чаншэн услышал, и впечатление, которое он сформировал о Су Ли, говорили ему, что Младший Боевой Дядя Горы Ли был способным человеком, который был не от мира сего. Во время этого путешествия в десять тысяч ли он осознал, что это выражение не было точным или, возможно, будет точнее сказать, что этого не было достаточно. Су Ли сам признал, что убил много людей, но сейчас Чэнь Чаншэн впервые слышал, как кто-то настолько прямолинейно осуждал Су Ли, как дьявола.

«Ты знаешь, скольких людей он убил? Сколько раз его меч был омыт кровью, чтобы стать таким острым, ты знаешь? - Лян Хунчжуан посмотрел на Чэнь Чаншэна и презрительно сказал. - Он убил стольких людей, что уже должен был давным давно умереть, но ему удалось выжить. Небесные законы могут оперировать циклами, и все же его правосудие наступило настолько поздно. Сегодня пришло его назначенное время смерти, а ты на самом деле хочешь защитить его?»

Чэнь Чаншэн не говорил ничего, потому что не знал, что сказать.

Лян Хунчжуан поправил руками свой наряд, а затем вновь подошел, говоря: «Он - южанин, тогда как ты - человек Чжоу. Он убил столь много людей Чжоу, так по какой причине ты должен помогать ему?»

Это не казалось такой уж и большой проблемой, но если внимательно подумать об этом, это действительно было большой проблемой.

На заснеженных равнинах Чэнь Чаншэн нес Су Ли на своей спине, пока они сбегали. Это можно было считать платой за доброту Су Ли в спасении его жизни. Более того, это были лишь навыки Су Ли, которые помогли им вернуться. Однако, после того, как они пересекли заснеженные равнины, вся доброта за спасение жизни уже была отплачена. Они уже вернулись в государство Великой Чжоу, так что он мог в любой миг спокойно покинуть его - Гора Ли была сильной, потому что Су Ли был силен, тогда как человек Ортодоксии был силен из-за Ортодоксии. В данный момент Су Ли был тяжело раненным левом, который оказался в трудном положении. В тоже самое время, пока Ортодоксия не рухнет, с личностью Чэнь Чаншэна, как Директора Ортодоксальной Академии, а также учитывая слухи, что его любили Поп и Мэй Лиша, кто посмеет пойти против него? Как только он пожелает уйти, независимо от того, был ли это Сюэ Хэ, Лян Хунчжуан или любые другие эксперты, которые последуют, они должны в первую очередь сопроводить его обратно в столицу.

С какого угла на это не посмотри, у него не было причин продолжать оставаться рядом с Су Ли.

Чэнь взглянул на Су Ли.

На лице Су Ли было безразличное выражение, и он не говорил ничего. Это был вопрос, на который и он хотел услышать четкий ответ, потому что он никогда не спрашивал, так что Чэнь Чаншэн, естественно, никогда не отвечал на него.

Теперь Лян Хунчжуан задал этот вопрос. Он хотел знать, каким именно будет ответ Чэнь Чаншэна.

Чэнь тихо задумался на несколько мгновений, а затем ответил: «Я покинул Сад Чжоу, а затем необъяснимо оказался перед городом Сюэлао».

Брови Лян Хунчжуан наклонились вверх. Он не мог представить, что подобное может произойти.

«В Саду Чжоу я думал, что моя смерть была неизбежной. Когда я покинул Сад Чжоу и увидел город Сюэлао, я тоже думал, что определенно наступит моя смерть, но затем... Господин Су Ли спас меня. Более того, я думаю, что атака демонов на Господина относится к плану, который я обнаружил в Саду Чжоу... ладно, в действительности, это не так уж и сложно... причина в действительности очень простая. Господин спас меня, так что я, естественно, не могу смотреть, как он умрет», - Чэнь Чаншэн искренне объяснился Ляну Хунчжуану.

Су Ли ответил: «Десять тысяч ли по заснеженным равнинам и клинок Сюэ Хэ. Твой долг уже давно был выплачен».

«Господин, вы не можете рассчитывать этот долг подобным образом. Если быть точнее, что-то такое, как жизнь, невозможно подсчитать, - Чэнь Чаншэн подтвердил свои чувства, так что его слова начали течь более легко. - С вашей точки зрения, все, что вы сделали, это спасли жизнь,

но для меня моя жизнь - это моё всё».

Су Ли и Лян Хунчжуан поняли смысл, стоящий за этими словами. Только вот, прожив в мире культивации так много лет, их разумы и тела были запятнаны пылью, так что им было трудно принять эту причину.

Су Ли покачал головой: «Я считаю, что ты уже ничего мне не должен».

Чэнь Чаншэн ответил: «Я не верю в это».

Су Ли был в растерянности. Он явно знал, что Чэнь Чаншэн не был его поклонником, и также знал, что они не разделяли общих интересов, не говоря уже, что не было ничего похожего на дружбу между поколениями. Поэтому ему было очень интересно, почему Чэнь Чаншэн не покинул его. Лишь сейчас он осознал, что это была такая простая причина. Конечно же, личность, которая настаивала на такой причине, определенно не была простой.

«Для наблюдателя это просто жизнь, но в действительности это твоё всё... тогда как долго ты будешь возвращать мне долг? Не может быть, что ты собираешься охранять меня в течение всей своей жизни, работая, как вол, на меня?»

Су Ли подшучивал над ним, но в его глазах было тепло.

Чэнь Чаншэн был немного встревожен: «Я тоже думаю, что это не обязательно, верно ведь?»

Су Ли засмеялся, как и Лян Хунчжуан. Один смеялся из благодарности, а второй насмехался. Смысл их смеха был совершенно разным.

«Даже если ты сравниваешь счета, взаимного спасения друг друга должно быть достаточно. Я также считаю, что ты отплатил свой долг».

Чэнь Чаншэн повернулся к Ляну Хунчжуану и сказал: «Я хочу вернуть доброту за спасение моей жизни, так что мне надо убедиться, что Господин действительно в безопасности, что о его жизни позаботятся, прежде чем я покину его. Это подобно больному человеку, тонущему в воде. Если вытащить его из реки, но не позаботиться о том, что он вскоре умрет от серьезной болезни, и уйти, можно ли это считать спасением?»

Лян Хунчжуан подумал об этом, а затем согласился: «Имеет смысл».

Чэнь ответил: «Большое спасибо... за понимание вашей изысканности».

Видя очаровывающую женственную внешность Ляна Хунчжуана и красное платье танцора, он не знал, как обращаться к этому человеку.

Лян Хунчжуан взглянул на него и спокойно ответил: «Я хочу отомстить за смерть моего отца, это ведь тоже очень разумно?»

Чэнь молча обдумал это, а затем кивнул.

Месть за отца была причиной, с которой никто не мог поспорить, наиболее верховной причиной.

«Так как ты настаиваешь на его спасении, я буду вынужден убить тебя».

Лян Хунчжуан продолжил: «Затем, если я получу приговор Его Святейшества, это будет моя

смерть. Ты знаешь, что я не буду бояться».

Чэнь Чаншэн знал, что все подобные мстители обладали твердой решительностью. Престиж Ортодоксии не мог заставить их передумать, так что он ответил: «Понимаю».

Ци Ляна Хунчжуана становилось все более стремительным и яростным. Уже не было танцевального платья с шелковыми ленточками, которое развевалось на горном ветру, но Звездный Домен стал более сильным и стабильным во всех аспектах.

Он бесстрастно взглянул на Чэнь Чаншэна и спросил: «У тебя есть какие-нибудь последние слова?»

Чэнь Чаншэн с почтением ответил: «Я прошу вашу изысканность быть милостивым».

http://tl.rulate.ru/book/1222/97290